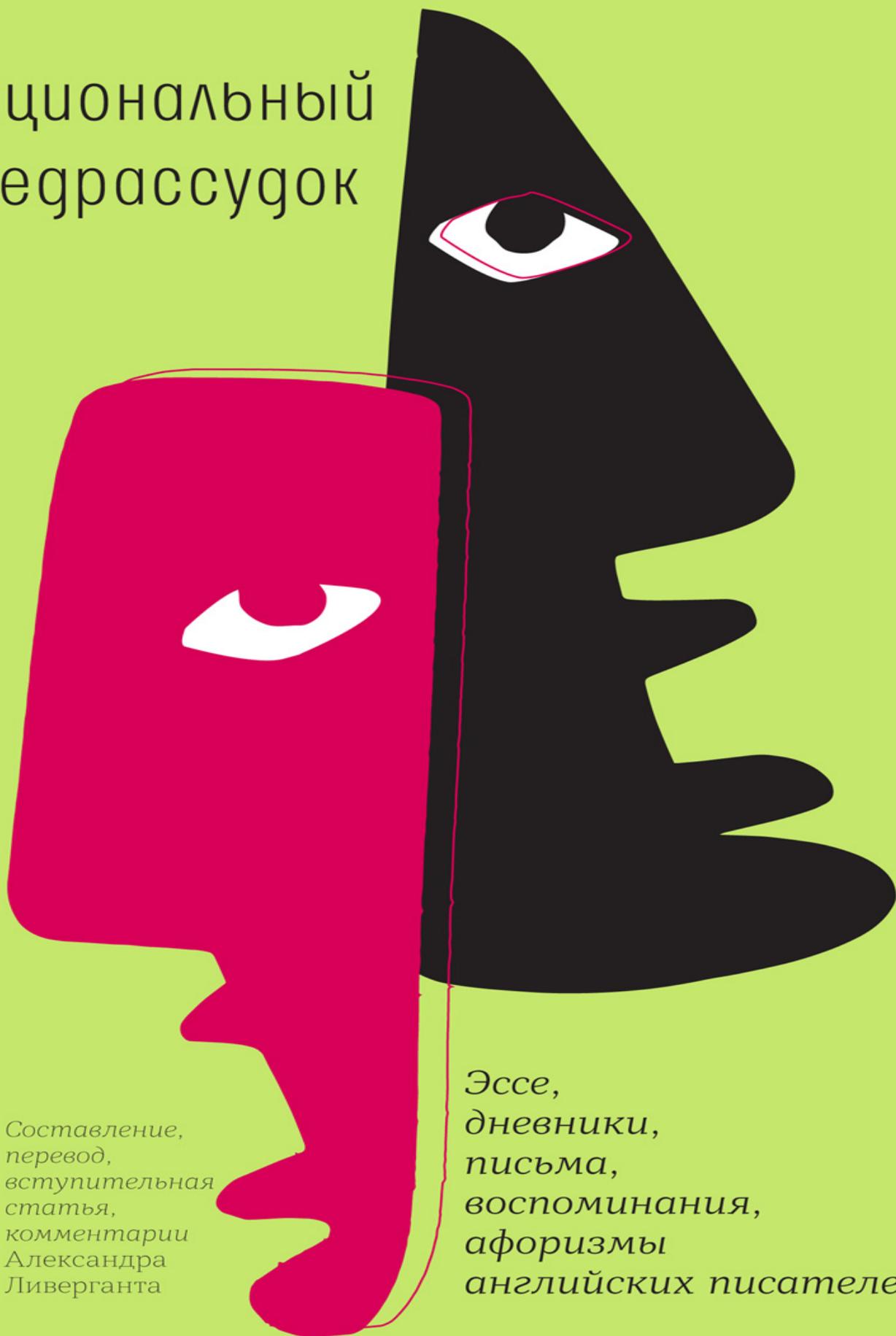

Национальный предрассудок

*Составление,
перевод,
вступительная
статья,
комментарии
Александра
Ливерганта*

*Эссе,
дневники,
письма,
воспоминания,
афоризмы
английских писателей*

Составление, перевод, вступительная статья,
комментарии Александра Ливерганта

Национальный предрассудок

*Эссе,
дневники,
письма,
воспоминания,
афоризмы
английских
писателей*

время

ИНФОРМАЦИЯ ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Издание осуществлено при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Художник
Валерий Калныньш

Национальный предрассудок : Эссе, дневники, письма, воспоминания, афоризмы английских писателей / Составление, перевод, вступительная статья, комментарии Александра Ливерганта. — М. : Время, 2021.

ISBN 978-5-00112-243-7

В «Национальном предрассудке» российский читатель прочтет, причем впервые, все самое интересное и значительное, что было написано в английской нехудожественной литературе за последние 500 лет. А впрочем, можно ли считать литературой нехудожественной дневники Вирджинии Вулф, Генри Джеймса и Ивлины Во, эссе Честертона и Пристли, письма Свифта, Стерна, Китса и Джойса, Хаксли и Лоуренса, путевые очерки Смоллетта, Бернарда Шоу и Грэма Грина — в общей сложности более тридцати крупнейших английских писателей прошлого и настоящего.

© А. Л. Ливергант, составление, перевод, вступительная статья, комментарии, 2021
© «Время», 2021

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА И СОСТАВИТЕЛЯ

Когда просматриваешь содержание этого внушительного тома, впечатление возникает примерно такое же, как будто повстречал старого знакомого, который всегда ходил в обычном костюме, а тут вдруг вырядился в экзотический восточный наряд. Как будто в давно и хорошо знакомый домходишь не с главного входа, как обычно, а с черного и видишь его в неожиданном ракурсе, словно впервые.

Действительно, имена авторов антологии нам давно и хорошо знакомы, а вот их произведения если и знакомы, то немногим избранным. Есть среди авторов, к примеру, всеми нами с детства любимый Дэниэль Дефо, но вместо читаного-перечитаного «Робинзона» в этой книге мы находим мало кому известный очерк 1704 года «Буря, или Рассказ о невиданных разрушениях...». «Несносный наблюдатель» Лоренс Стерн представлен эпистолярным наследием, а вовсе не «Тристрамом Шенди». Диккенс — не «Пиквиком» или «Крошкой Доррит», а веселым и поучительным очерком «Современная наука поимки воров». Классики англоязычной литературы прошлого века Джеймс Джойс и Грэм Грин — не «Улиссом» или «Комедиантами», а письмами и путевыми очерками соответственно.

Иными словами, жанрами, которые принято называть, в отличие от романов, рассказов, пьес, стихов, *нехудожественными, документальными*.

Эпитеты эти, что тот, что другой, — довольно неловкие, а порой и неверный перевод английского *non-fiction* — то есть всего того, что не является вымыслом, выдумкой. Назвать эссеистику Честертона или Пристли *нехудожественной*, а любопытнейшие дневники жившего в семнадцатом веке чиновника морского

ведомства Сэмюэля Пипса *документальными* язык не поворачивается. Может быть, поэтому термин *non-fiction*, как и многие другие английские термины, сегодня не переводится? Вошедшие в эту книгу воспоминания, биографии, путевые очерки, письма, эссе, рецензии, дневники, памфлеты принято теперь скопом называть *нон-фикшн*. Чужеземное слово прижилось, стало своим, понятным, а между тем английская *невымышленная* литература до сих пор во многом остается белым пятном, ее и переводят, и читают мало.

Не то что английский *фикшн*. Многие из нас по несколько раз в год готовы перечитывать Диккенса, Честертона, Агату Кристи. Мы с детства помним «Гулливера», «Робинзона», «Винни Пуха», «Маугли», «Алису в стране чудес». Острословы бравируют меткими афоризмами Уайльда и Шоу. Ценители эротической литературы увлекаются «Любовником леди Чаттерли» Лоуренса, литературы для высоколобых — «Улиссом» Джойса, «Контрапунктом» Хаксли и «Миссис Дэллоуэй» Вирджинии Вулф. Немногие, однако, читали письма Олдоса Хаксли, знают путевые очерки Киплинга об Индии, где он, молодой журналист, прожил и проработал много лет. Стихи одного из самых пленительных и трагических английских романтиков Джона Китса на слуху у многих — в отличие от не менее поэтичных писем умирающего поэта к его возлюбленной Фанни Брон. Любители сатирической литературы наверняка не раз перечитывали романы Ивлина Во, но едва ли заглядывали в его дневники, знакомились с его эпистолярным наследием. Впрочем, и в русской литературе ситуация схожая. «Онегина» и «Ревизора», «Обломова» и «Преступление и наказание», «Скучную историю» и «Один день Ивана Денисовича» мы помним лучше, перечитываем чаще, чем «Путешествие в Арзрум» и «Выбранные места

из переписки с друзьями», «Фрегат “Паллада”» и «Дневник писателя», «Остров Сахалин» и «Архипелаг ГУЛАГ».

Последнее время, правда, читательские вкусы начинают меняться: литература факта заметно теснит литературу художественную, и тенденция эта характерна для книжного рынка очень многих стран, не только России. В наши дни факт нередко оказывается увлекательнее вымысла (о чем писал еще в сороковые годы прошлого века в своем эссе «Факт или вымысел» хорошо известный нашему читателю и театральному зрителю Джон Бойнтон Пристли), художественная литература воспринимается многими несерьезной, легкомысленной, скорее развлечением, чем делом важным и ответственным, каким всегда считалась прежде. Публицистика, исследования по истории, литературе, политике, философии, живописи, кино и театру, тем более если написаны они живым, ненаучным языком, зачастую раскупаются лучше романов и уж тем более пьес, стихов и рассказов. «Я беллетристику давно читать перестал, времени жалко» — такие слова слышишь сегодня довольно часто. *Фикшн* у нас на глазах превращается в свой буквальный перевод, становится *фикцией*.

В Англии же *нефиктивная* литература в чести издавна. Эссе, дневники, памфлеты, путевые очерки, биографии и автобиографии пользуются у английского издателя и читателя спросом на протяжении никак не меньше пяти столетий. В Британии не было, пожалуй, ни одного прозаика или поэта, который бы пренебрегал нехудожественными жанрами. В английской литературе, как, пожалуй, ни в какой другой, были и есть писатели первой величины, которые прославились не *фикшн*, а именно *нон-фикшн*. Таков самый, наверное, авторитетный английский критик, лексикограф, поэт и моралист доктор Джонсон, чьи

изречения до сих пор цитируются в парламенте и на научных конференциях, в лекциях, романах, на телевидении. Таков Бернард Шоу, драматург, которого многие ставят на одну доску с самим Шекспиром. Таковы изобретательные и многосложные романтические эссеисты Сэмюэль Кольридж и Уильям Хэзлитт; таков, кстати говоря, и Уинстон Черчилль, удостоенный Нобелевской премии по литературе не за романы и стихи (которых он, впрочем, не писал), а за труды исторического, литературоведческого и публицистического характера...

Для человека, изучающего литературу профессионально, *нон-фикшн* нередко оказывается подспорьем для *фикшн*. Эссе Ивлины Во «Хорошо информированные круги... и как в них попасть» служит отличным комментарием к его же роману «Сенсация», где герой, работающий в Африке репортер лондонской газеты «Дейли свист», осуществляет рекомендации автора эссе на практике. Письма Дэвида Герберта Лоуренса вписываются в антиглобалистскую (как сказали бы теперь), сенсуалистскую философию писателя. Без эссеистики Честертона трудно постичь жизненные принципы популярного, и не только в Англии, сыщика-человеколюба патера Брауна. Только если прочесть «Путешествие по Франции и Италии» Тобайаса Джорджа Смоллетта, становится понятно, отчего его соотечественник и антипод Лоренс Стерн назвал свое путешествие по той же Франции «сентиментальным». Только познакомившись с эпистолярным наследием Свифта, постигаешь всю меру скепсиса автора «Сказки бочки», «Гулливера» и «Скромного предложения».

Безусловно, главным, наиболее запоминающимся жанром этого тома является эссе, свободное сочинение, которое, в отличие от очерка, если и пишется на конкретную, заданную тему, темы этой, как правило, не

придерживается, касается лишь вскользь. В этой книге жанром эссе представлены доктор Джонсон, Оливер Голдсмит, Бернард Шоу, Джозеф Конрад, Честертон, Пристли и малоизвестный у нас историк, поэт, биограф, весьма искусный и плодовитый литератор Хилэр Беллок. Круг тем английских эссеистов поистине безграничен: от страха смерти до ненависти к насекомым, от национальных предрассудков до общения с кошкой, от размышлений о пользе и вреде тщеславия до рассуждений о радостях невежества. Подкупает английская эссеистика конечно же неизменным чувством юмора, неутомимыми афористичностью и парадоксальностью — не зря же Пушкин назвал Англию «отечеством карикатуры и пародии». А еще — раскованностью, изяществом слога и мысли, легкостью обращения с материалом, а заодно и с читателем, которому авторская точка зрения никогда не навязывается. Английское свободомыслие проявляется и здесь.

Некоторые из вошедших в этот сборник писателей исполняют двойную роль — не только автора, но и действующего лица, не только, так сказать, субъекта, но и объекта. Если радиопередачи П. Г. Вудхауса из гитлеровского Берлина способны вызвать (и не только у убежденного антифашиста) чувства, прямо скажем, неоднозначные, то в письмах Ивлина Во Грэму Грину и Джорджу Оруэллу, блестящему юмористу и неисправимому оптимисту Вудхаусу, увы, прискорбно далекому от политики, воздается должное. В нашей книге Оливер Голдсмит выступает в двойной роли — эссеиста и действующего лица в биографии Сэмюэля Джонсона, а сам Джонсон — не только автор двух эссе и писем, но и главный герой биографии, написанной его другом, учеником и страстным почитателем Джеймсом Босуэллом. Так вот, если сравнить Джонсона-критика и Джонсона — героя босуэлловской биографии,

то окажется, что литературные и человеческие качества этого прославленного мыслителя и литератора имеют между собой мало общего. В письмах и эссе Джонсона и в помине нет той авторитарной непререкаемости, какой отличается Джонсон в книге Босуэлла. Как отнесется наш читатель к эссе Хэзлитта, мы не знаем, зато знаем, что Сомерсет Моэм в «Джентльмене в гостинной» Хэзлитта-критика открыл и высоко оценил.

Несмотря на «столпотворение» авторов (их в нашей книге больше тридцати) и многообразие жанров, многие темы, мотивы в произведениях писателей, которые, казалось бы, не имеют между собой ничего общего и которых отделяют друг от друга иной раз сотни лет, повторяются на новом витке развития истории и литературы. В соответствии с этой любопытной тематической преемственностью, своеобразной литературной переключкой о патриотизме (истинном и мнимом) пишут — причем почти теми же словами! — Голдсмит и Вирджиния Вулф. О войне, порождающей массовый психоз, — Сэмюэль Пипс и Бернард Шоу. О пользе чтения и выборе книг — Фрэнсис Бэкон, Хилэр Беллок (его эссе так и называется «О выборе книг»), а также Пристли и Грэм Грин. О злопыхательстве и невежестве критиков — Генри Филдинг («Требовать от критика знаний столь же абсурдно, как требовать от них гениальности»), Честертон, Сэмюэль Батлер, Вирджиния Вулф. Об эксцентричном английском характере — Эдмунд Бёрк и опять же Честертон, об Америке — Джозеф Конрад, Генри Джеймс и Олдос Хаксли.

Вообще, тема «Англичане за границей» (если воспользоваться названием одного из лучших эссе Честертона) занимает в этой антологии особое место. Еще Фрэнсис Бэкон посвятил путешествиям одно из своих коротких, но емких назидательных эссе,

и, следуя заветам своего философа («Для молодых путешествие — это скорее воспитание»), юные англичане и по сей день, прежде чем начать тянуть лямку, отправляются в *Grand Tour* за границу поучиться уму-разуму. Едут людей посмотреть и себя показать Филдинг и Кольридж, Смоллетт и Киплинг, Сомерсет Моэм и Грэм Грин, Лоуренс и Ивлин Во. География английского путевого очерка, представленного в нашей антологии, необъятна. Это конечно же Италия, Франция, Германия, США, но еще и Индия (Киплинг), Бирма (Моэм), Мексика (Грэм Грин). И Россия. О России делятся впечатлениями многие писатели — в том числе и те, кто в ней никогда не бывал: Вирджиния Вулф, Джеймс Джойс, Олдос Хаксли. Этим и многих других английских писателей объединяет искреннее восхищение русской литературой; английские модернисты Джойс, Вирджиния Вулф, Лоуренс не скрывают, что учатся писать не у викторианцев, а у Толстого, Достоевского, Чехова.

Больше же всего от англичанина за границей достается — как вы угадали? — французам и американцам. Французам в основном потому, что смотрят они на остальной мир, в том числе и на англичан, свысока, снисходительно. Американцам, с которыми, как однажды съязвил Оскар Уайльд, «у нас все общее, кроме языка», — потому, что в представлении британцев, да и других европейцев, особенно высоколобых, американцы развязны, грубы, неотесанны, невежественны. И в этом смысле письма Диккенса из Америки своему другу Джону Форстеру или роман Ивлина Во «Незабвенная» мало чем отличаются от ядовитой иронии молодого интеллектуала Олдоса Хаксли, в чьих письмах Америка также выглядит не лучшим образом.

Язвительность молодого Хаксли свойственна многим английским литературным путешественникам, однако

в путевом очерке, будь его автором Киплинг или Моэм, Грин или Смоллетт, язвительность никогда не переходит в презрение, в нем скорее преобладает столь характерное для англичан ироническое отношение — и прежде всего не к другим, а к самим себе. И не только в путевом очерке. Англичанин — дома ли, за границей, в письмах, в эссе, в воспоминаниях и биографиях — верен своему, должно быть, главному «национальному предрассудку» — самоиронии. А также — исконному чувству справедливости, стремлению быть, вопреки распространенным национальным предрассудкам (уже без кавычек), гражданином мира.

«Разве нельзя любить свою страну, не питая ненависти к другим странам? Разве нельзя проявлять недюжинную отвагу и непоколебимую решимость, защищая ее законы и ее свободу, — и при этом не презирать остальной мир, не считать все прочие народы трусами и негодьями?»

Боюсь, что вопросы, которыми задается Оливер Голдсмит в эссе «Национальные предрассудки» еще не скоро станут риторическими.

Александр Ливергант

ФРЭНСИС БЭКОН

(1561—1626)

Три эссе «Об учении», «О честолюбии», «О путешествиях» а также изречения мыслителя, ученого, государственного деятеля Фрэнсиса Бэкона взяты из «Опытов и наставлений» (1597—1625), куда вошли также такие эссе, как «О смерти», «Об истине», «О мести», «О невезении», «О любви», «О мятежах и волнениях», «Об атеизме», «О предрассудках», «О хитрости», «О мудрости», «О подозрении» и др.

ОБ УЧЕНИИ

Учение доставляет удовольствие, развивает самолюбие и способности; удовольствие достигается уединением, самолюбие — спорами, способности — здравомыслием и рассудительностью, приобретенными посредством учения. Люди сведущие способны лишь исполнять и если судят, то разве что о частностях, советы же о ведении дел лучше всего испрашивать у людей образованных. Тратить на учение слишком много времени — праздность, учиться из самолюбия — притворство, судить о жизни по законам науки — причуда ученого. Учение совершенствует природу и совершенствуется опытом, ибо природные способности сродни посаженным кустам и деревьям: их надобно укорачивать и выравнивать; науки как таковые, если не ограничить их опытом, дадут знания слишком общие. Хитрец науки презирает, простак ими восхищается, а мудрец ими пользуется, ибо науки учат не самим себе, но мудрости, учат тому, что вне их и над ними и что приобретается наблюдательностью. Читайте не за тем, чтобы противоречить и опровергать, не за тем, чтобы принимать на веру, не за тем, чтобы уметь

вести ученую беседу — но чтобы оценивать и судить. Одни книги предназначены для того, чтобы их лишь испробовать, другие — чтобы их глотать, и лишь немногие — чтобы их разжевывать и переваривать. Иначе говоря, одни книги следует читать лишь частями, другие — читать, но без любопытства, а третьи — читать с начала до конца с усердием и вниманием. Некоторые книги могут также читаться секретарями, которые сделают из них выписки, дабы ими могли воспользоваться другие, — однако такое возможно лишь по самым незначительным поводам и в случае если книги многого не стоят. И то сказать, книга, читаемая не полностью, столь же безвкусна, как пресная вода. Чтение делает человека цельным, беседа — находчивым, занятие литературой — точным. Вот почему, если человек пишет мало, он должен обладать прекрасной памятью; если он редко вступает в беседу, у него должен быть острый ум; если же он мало читает, он должен отличаться недюжинной хитростью, дабы притвориться, будто читает больше, чем на самом деле. Проза делает человека мудрым, поэзия — остроумным, математика — проницательным, естественная философия — глубоким, мораль — суровым, логика и риторика — искусным спорщиком. *Abeunt studia in mores*^[1] — в действительности же нет помехи развитию ума: слабый ум можно излечить соответствующими науками, подобно тому как соответствующими упражнениями излечиваются наши телесные недуги. Так, кегли хороши для камней в мочевом пузыре и больной поясницы, стрельба — для легких и грудной клетки, неспешная прогулка — для желудка, езда верхом — для головы. А потому, если человек рассеян, пусть изучает математику, ибо математическое доказательство призвет его рассеянный ум к порядку: стоит ему отвлечься, как придется начать все с самого

начала. Если он не наблюдателен, пусть изучает логику, ибо она — *сумини sectores*^[2]. Если у него отсутствует отвлеченное мышление и он не способен давать определение посредством сравнения, доказать одно посредством другого, пусть изучает право. Так всякий умственный изъян предусматривает особое лечение.

О ЧЕСТОЛЮБИИ

Честолюбие сродни желчи. Если дать ему волю, оно сделает людей усердными и деятельными, но, если его сдерживать, оно не найдет выхода и станет вредоносным и пагубным. А потому, если честолюбивым людям дать ход, не мешать их росту, они будут не опасны, ибо займутся делом. Если же сдерживать их желания, они ожесточатся, будут смотреть на людей и на их свершения искоса и радоваться, когда дела в государстве идут дурно, что есть наихудшее качество для находящегося на службе у монарха или у государства. Если при дворе монарха находятся люди честолюбивые, важно, чтобы они смотрели вперед, а не назад; а поскольку неудобны и те и другие, лучше вообще не нанимать честолюбивых людей, ибо если они не будут подниматься по службе, то позаботятся о том, чтобы их служба рухнула вместе с ними. Но раз уж мы сказали, что пользоваться услугами людей по природе своей тщеславных следует лишь в случае крайней необходимости, стоит сказать, в каких случаях честолюбцы необходимы. Хороших полководцев следует брать на войну, даже если они чрезмерно тщеславны, — их услуги в любом случае перевесят честолюбивые помыслы; брать же солдата, лишенного честолюбия, — значит сорвать с него шпоры. Немало пользы от честолюбивых людей и в тех случаях, когда монарху угрожают опасность и зависть: лучше всего поможет тот честолюбец, кто, подобно ослепленному голубю,

будет взмывать все выше и выше, ибо не видит, что делается вокруг. Пригодны тщеславные люди и для того, чтобы развенчать зарвавшегося подданного: так Тиберий использовал Макрона, чтобы свергнуть Сеяна¹, [3]. Коль скоро в таких делах честолюбцы незаменимы, следует остановиться на том, как их обуздать, дабы они представляли меньшую опасность. Честолюбивые люди менее опасны, когда они незнатного рода, когда они нрава скорее грубого, нежели мягкого и податливого, и когда в люди они вышли недавно, не успев еще приобрести свойственное царедворцам лицемерие и утвердиться в своем величии. Когда монархи заводят фаворитов, это считается слабостью — вместе с тем это самое лучшее средство против великих честолюбцев. Ибо когда при монархе состоит фаворит — независимо от того, как относится к нему государь, — любому другому выдвинуться будет очень непросто. Еще один способ обуздать честолюбцев состоит в том, чтобы уравновесить их другими, такими же, как они, гордецами. Но тогда между ними должны быть еще и посредники, ибо без такого балласта корабль потеряет устойчивость. В любом случае монарху следует приближать к себе людей более низкого происхождения, чтобы те являлись для честолюбцев, образно говоря, бичом. Уместно также держать при дворе тех честолюбцев, что трусливы и не уверены в себе; решительные же и дерзкие будут неуклонно добиваться цели и тем самым являть немалую опасность. В том случае, если возникнет необходимость устранить их, следует, в целях безопасности, делать это как можно быстрее, для чего важно по отношению к ним чередовать милости и немилости, приближать их к себе и отдалять от себя, дабы они не знали, чего им ожидать, и находились будто в лесу. Стремление честолюбца преуспеть в великих

делах менее вредно, чем желание во всем принимать участие: последнее сбивает с толку и мешает делу. Безопаснее довериться честолюбцу, нежели человеку со связями. Тот, кто стремится выделиться среди людей способных, цель преследует весьма честолюбивую, однако люди от этого выигрывают. Тот же, кто замыслил стать первым среди ничтожеств, являет собой погибель века. Почести хороши, во-первых, возможностью делать добро, во-вторых, правом приблизиться к князьям и монархам и, в-третьих, преумножением собственного состояния. Тот, кто, преследуя честолюбивые цели, лучше всего использует эти преимущества, — человек, достойный почестей, и тот монарх, что разглядит в честолюбце эти задатки, — мудрый монарх. В целом же, пусть монархи и государства выбирают себе таких министров, которые более тщатся выполнить свой долг, нежели возвыситься, а также тех, что совестливы и не стремятся к роскоши. И пусть они научатся отличать деятельный ум от усердного.

О ПУТЕШЕСТВИЯХ

Для молодых путешествие — это скорее воспитание, для людей в возрасте — опыт. Тот, кто узнает страну, прежде чем узнать ее язык, отправляется в школу, а не в путешествие. Я убежденный сторонник того, чтобы молодые люди путешествовали с опекуном или с надежным слугой; опекун должен знать и язык и страну, где побывал раньше, дабы объяснить своему подопечному, что стоит посмотреть в той земле, куда они направляются, с кем завести знакомство, какие порядки царят в этих местах, — в противном случае молодые люди останутся в неведении и за порог будут выходить редко. Странное дело: в морских путешествиях, где, кроме неба и моря, смотреть не

на что, люди ведут дневник; в странствиях же по земле, где есть на что посмотреть, дневники по большей части не ведутся — так, словно случай более достоин упоминания, нежели наблюдение; а потому пусть путешествующий ведет записи в дневнике. Во время путешествий причитается побывать при дворе, особенно же — когда даются аудиенции послам; в судах, когда слушаются дела, а также в церквях и монастырях со всеми памятниками, что в них сохранились; на городских стенах и укреплениях, а также в портах и гаванях, на античных развалинах, в библиотеках, университетах, на лекциях и диспутах, где бы они ни велись; на кораблях и в доках, в домах и садах, где трудятся и веселятся, в окрестностях больших городов, на складах, в арсеналах и в артиллерийских погребах, на биржах и монетных дворах; на уроках верховой езды, фехтования, в казармах, где муштруют солдат, а также в театрах, куда ходят люди, достойные подражания; в сокровищницах, где хранятся драгоценности и наряды, в кунсткамерах и, в довершение всего, во всех местах, что памятны в той земле, куда лежит путь молодого человека, о чем опекуны и слуги должны заранее позаботиться. Что до праздников, маскарадов, шествий, пиров, свадеб, похорон, казней и подобных зрелищ и увеселений, то посещать их особой нужды нет, однако ж и пренебрегать ими не следует. Если же вы хотите, чтобы молодой человек путешествовал недолго, но за короткое время многое узнал, сделайте следующее. Во-первых, как уже говорилось, он должен, прежде чем ехать, овладеть хотя бы азами чужеземного наречия. Во-вторых, у него должен быть такой слуга или наставник, который знал бы страну, о чем также было уже сказано. Пусть будут у него с собой записи или книги с описанием страны, куда он отправляется, каковые послужат надежным поводом в его странствиях и открытиях. Пусть он также ведет дневник

и пусть подолгу не засиживается в одном городе, хоть бы город этот того и заслуживал; а куда живет в нем, пусть переезжает из одной его части в другую, что способствует заведению разнообразных знакомств. Пусть держится в стороне от своих соотечественников и пищу принимает в тех местах, где собираются лучшие люди той страны, где ему довелось находиться. Пусть он, переезжая из одного города в другой, запасается рекомендательными письмами к знатному лицу, живущему в том месте, куда он перебрался, дабы, воспользовавшись его помощью, увидеть и узнать то, что ему хотелось, — только в этом случае путешествие окажется небесполезным. Что же касается знакомств, то в странствиях выгоднее всего заводить их с секретарями и чиновниками при посольствах, с тем чтобы, путешествуя по одной стране, он смог набраться опыта путешествий по многим странам. Пусть он также наносит визиты известным людям, всем тем, у кого громкая слава, дабы иметь возможность убедиться, что жизнь и слава не всегда совпадают. Что до ссор и размолвок, то их следует избегать любой ценой; возникают они большей частью из-за любовниц, в разговорах о здоровье и о том, чей город лучше, а также из-за неосторожно сказанного слова. И пусть юный путешественник сторонится людей вспыльчивых и вздорных, ибо они непременно вовлекут его в собственные раздоры. Когда же путешественник вернется домой, пусть не забывает о тех странах, где он побывал, пусть ведет переписку с теми из своих чужеземных знакомых, кто больше других того заслуживает; и пусть приобретенный в путешествии опыт проявится в его рассказах, а не в одежде или в манере держаться. В беседах же о землях, где он побывал, пусть лучше отвечает на вопросы и не спешит делиться впечатлениями; и пусть не меняет обычаев своей страны на обычаи чужестранные,

но лишь украшает отдельными цветами чужеземных впечатлений букет обычаев страны своей собственной.

ИЗ «ОПЫТОВ И НАСТАВЛЕНИЙ»

Начавший уверенно кончит сомнениями; тот же, кто начинает свой путь в сомнениях, закончит его в уверенности.

Люди должны знать: в театре жизни только Богу и ангелам позволительно быть зрителями.

Вся наша нравственная философия — не более чем прислужница религии.

Надежда — хороший завтрак, но плохой ужин.

Законы подобны паутине: мелкие насекомые в ней запутываются, большие — никогда.

Богатство — хорошая служанка, но негодная любовница.

Мечь торжествует над смертью; любовь пренебрегает ею; честь ее домогается; печаль к ней стремится.

Тот, кто лелеет мечь, берedit собственные раны.

Ветхий завет считает благом процветание; Новый — напасти.

Более всех остальных мы льстим самим себе.

Поистине странное желание — добиться власти и потерять свободу.

Подобно тому как, идя к цели, все в природе движется стремительно, а достигнув ее, успокаивается, — и добродетель неистова лишь в припадке тщеславия; обладая властью, она уравновешенна и спокойна.

Отвага не держит слова.

Лекарство бывает хуже болезни.

Поверхностность в философии склоняет человеческий ум к атеизму, глубина — к религии.

Избегать суеверий — суеверие.

Нет большего вреда для державы, чем принимать хитрость за мудрость.

Если себялюбец греет себе на огне ужин, то пламя охватывает весь дом.

Французы умнее, чем кажутся; испанцы кажутся умнее.

Подозрения сродни летучим мышам — они появляются лишь с наступлением сумерек.

Человек часто скрывает свою сущность, иногда ее преодолевает и очень редко подавляет.

Красота сродни драгоценному камню: чем она проще, тем драгоценнее.

На свете мало дружбы и меньше всего — среди равных.

Слава подобна реке: все легкое и мимолетное удерживается на поверхности, все тяжелое, основательное идет ко дну.

Мир — мыльный пузырь, жизнь человеческая меньше пяди.

Взрослые боятся смерти, дети — темноты. Страх перед тем и другим подогревается сказками.

Зависть не знает выходных.

Любить и быть мудрым — невозможно.

Тот, кто щадит врага, не щадит самого себя.

Имеющий жену и детей — заложник судьбы.

В жизни — как в пути: самая короткая дорога обычно самая грязная, да и длинная немногим чище.

Молчание — добродетель глупцов.

Каждый человек, по моему разумению, является должником у своей профессии.

Благодеяние не обходится без страхов и неприятностей, тяготы не лишены радостей и надежд.

В истинной красоте всегда есть изъян.

Чем легче добыча, тем тяжелей кошелек.

Что самое главное в государственных делах? — Смелость. Что на втором и третьем местах? — Тоже смелость. И вместе с тем смелость — дитя невежества и подлости. На высокую башню подняться можно лишь по винтовой лестнице.

Что, в сущности, дурного в том, что себя мой друг любит больше, чем меня?

Деньги — как навоз: если их не разбрасывать, от них не будет проку.

Без удобного случая не было бы вора.

В тяжелые времена от деловых людей толку больше, чем от добродетельных.

Сам по себе муравей — существо мудрое, но саду он враг.

Наше поведение сродни заразной болезни: хорошие люди перенимают дурные привычки подобно тому, как здоровые заражаются от больных.

Бывает, что человек отлично тасует карты — играть же толком не умеет.

Легковерный человек — обманщик.

Вылечить болезнь и извести больного.

Совершая недостойные поступки, мы становимся достойными людьми. Отвага всегда слепа, ибо не видит опасностей и неудобств, — а стало быть, дурна советом и хороша исполнением.

Жалок тот, у кого нет желаний и есть страх, — а ведь такова участь монархов.

Нововведения подобны новорожденным: на первых порах они необычайно нехороши собой.

Как верно заметил Эзоп: «Муха села на спицу колесницы и воскликнула: “Боги, какую же пыль я подняла!”»

Нет более удачного сочетания, чем немного глупости и не слишком много честности.

Друзья — воры времени.

В Писании сказано, что мы должны прощать врагов наших, но нигде не говорится, что мы должны прощать наших друзей.

Тот, кто любит говорить с друзьями начистоту, потребляет в пищу собственную душу.

Что есть суеверие, как не упрек небес?

Чем меньше заслуга, тем громче похвала.

Человеческий ум поклоняется четырем идолам: идолу времени, идолу логова, идолу рынка и идолу театра.

Любовь вознаграждается либо взаимностью, либо скрытым, глубоко укоренившимся презрением.

Все люди делятся на две категории: одним легче подмечать различия, другим — сходство.

Управлять природой можно, лишь подчиняясь ей.

Опасность требует, чтобы ей платили удовольствиями.

Богатство для добродетели — все равно что обоз для армии; от него не избавишься, его не сбережешь; в походных условиях он — обуза; позаботившись о нем, можно упустить победу, а то и потерпеть поражение.

Человек и впрямь похож на обезьяну: чем выше он залезает, тем больше демонстрирует свою задницу.

В той же мере, в какой люди должны бояться злого языка остроумца, остроумец должен бояться людской памяти.

Всякий, кто любит одиночество, — либо дикий зверь, либо Господь Бог.

В мирное время сыновья хоронят отцов, в военное — отцы сыновей.

Подобно тому как деньгами определяется стоимость товара, словами определяется цена чванства.

Я много думал о смерти и нахожу, что это — наименьшее из зол.

СЭМЮЭЛЬ ПИПС

(1633—1703)

Чиновник королевского флота, в дальнейшем секретарь Адмиралтейства, С. Пипс с 1660-го по 1669 г. вел зашифрованный дневник — интереснейший документ эпохи Реставрации, в котором затронуты все стороны политической, научной, культурной и частной жизни того времени. В антологию вошли отрывки из «Дневников», где описывается война с Голландией, служба Пипса в морском ведомстве, а также его семейная жизнь.

Эпизоды Второй англо-голландской войны 1665—1667 годов показывают неподготовленность английского флота во главе с герцогом Йоркским (1603—1701), младшим братом короля Карла II Стюарта (1630—1685), лордом-адмиралом, командующим флотом, впоследствии королем Яковом II (1685—1688), и Эдвардом Монтегю графом Сандвичем (1625—1672), патроном Пипса, адмиралом, дипломатом, членом Тайного совета, послом в Испании. Летом 1667 г. голландский флот вошел в устье Темзы, в Лондоне началась паника.

ИЗ «ДНЕВНИКОВ»

Война

28 июня 1662 года

Много разговоров об опасности войны с голландцами¹; мы получили приказ оснастить и вывести в море 20 кораблей, каковые, надеюсь, сыграют лишь роль пугала — пусть думают, будто мы готовы дать им отпор; хотя один Бог знает: в настоящее время государь не в состоянии выставить и пяти кораблей, да и те

с огромным трудом, у нас нет ни денег, ни кредитов, ни боеприпасов.

1 февраля 1664 года

В кофейню с капит. Коком; с жаром рассуждал о положительных сторонах голландской кампании (я же до сего момента рассматривал, напротив, лишь отрицательные ее стороны), то бишь: торговать с выгодой мы вместе не можем, а стало быть, кто-то один должен отступить.

13 июня 1664 года

Ходил с мистером Ковентри в Сент-Джеймский парк. После обеда говорили об истории королевского флота, о том, как хорошо было бы ее написать, и он сказал, что ему пришло в голову предложить написать историю последней войны с Голландией мне, отчего я пришел в восторг: признаться, мне этого давно хотелось, да и вполне по уму; ежели напишу хорошо, такая книга будет лучшей рекомендацией. Тогда он сказал, что даст мне ордер на изыскания во всех архивах и прочее. Возьмусь за дело с превеликим удовольствием.

12 апреля 1665 года

После окончания Тайного совета сэр Дж. Картерет, лорд Бранкард, сэр Томас Гарви и я — в покои лорда Казначейства, куда явились также лорд-канцлер и герцог Албемарл. Я дал им подробнейший отчет по морским расходам и уведомил их, что флоту нужны деньги. К вящему моему удивлению, они воздели руки и закричали: «Как же нам быть?» Лорд Казначейства: «Что все это значит, мистер Пипс? Предположим даже, вы говорите правду, но что мне-то прикажете делать? Я отдал все, что у меня было. Почему люди не желают давать государству в долг? Почему они не доверяют королю так, как некогда доверяли Кромвелю? Почему

наши нынешние военные трофеи не идут ни в какое сравнение с прошлыми?» И это все, что нам было сказано, с чем мы и ушли. Что весьма печально: Англия вступает в величайшую войну в своей истории, никому до этого дела нет, все пускается на самотек — как будет, так будет.

8 июня 1665 года

В тот день (3 июня 1665 года. — А. Л.), не дождавшись попутного ветра и лишив себя тем самым заметного преимущества, голландцы пошли на приступ. Граф Фелмет, Маскерри и мистер Р-д Бойл убиты на борту герцогского фрегата «Король Карл» — с одного выстрела. Их кровь и мозги залили герцогу лицо, а голова мистера Бойла угодила ему в челюсть — так говорят. Убиты граф Мальборо, Портленд, контр-адмирал Сэнсом, а также капитан Кирби и Эйблсон. Сэр Джон Лосон ранен в колено — из раны извлекли осколки, и он, скорее всего, оправится. Не успели его ранить, а он уже послал к герцогу сообщить, что надо менять капитана на «Королевском дубе». Герцог послал Джордана на «Святого Георгия», где он проявил чудеса храбрости. Капитан Джер. Смит на «Мэри» (он шел вторым после герцога) вклинился между «Королем Карлом» и капитаном Ситоном на «Урании»² (76 пушек, 400 человек), который поклялся взять герцога на abordаж. Убил Ситона, 200 человек в придачу и захватил корабль. Потерял 99 человек, причем из офицеров уцелели только он сам и лейтенант. В живых остался еще его штурман, которому оторвало ногу. Адмирал Опдам взлетел на воздух. Трамп убит и, говорят, Холмс тоже. Прочие их адмиралы, кроме Эверсона (которому нельзя доверять из-за его расположения к принцу Оранскому), убиты. Предполагается, что мы взяли или потопили 24 их лучших корабля. Убили и взяли в плен от восьми

до десяти тысяч их людей; сами же потеряли, думаю, не больше 700. Величайшая победа в истории. Они обращены в бегство; около 43 кораблей скрылись за Текселом³, другие рассеяны, мы их преследуем.

Радости моей нет предела. Сначала домой, затем в присутствие — ненадолго; далее к леди Пен, где всеобщее ликование. <...> Разожгли большой костер у ворот; от леди Пен вместе со всеми — к миссис Тернер, оттуда — на улицу. Дал мальчишкам 4 шиллинга — обрадовались необычайно. После чего — домой и в постель; на душе покойно, все мысли о победе — событие столь значительное, что никак не могу с ним свыкнуться.

4 июня 1666 года

Утром с сэром Дж. Меннзом и сэром У. Пенном — в Уайтхолл в карете последнего. В Уайтхолле нам сказали, что герцог в Сент-Джеймском парке; шли по парку и видели, как сотни людей прислушиваются к грохоту пушек с моря. Переговорив с герцогом, мы с сэром У. Пенном отправились домой и не успели приехать, как мне сообщили, что со мной хотят говорить «двое с флота». Спускаюсь и вижу мистера Дэниэля: лицо черное, как у трубочиста, весь в грязи, смоле, дегте и порохе, одежда разорвана в клочья, правый глаз залеплен. Вместе с товарищем, у которого поврежден был левый глаз, он вернулся с флота в пять часов утра. Сегодня, в два ночи, их, вместе с еще двадцатью ранеными, увезли на шлюпке с «Короля Карла». Те, кто еще мог держаться в седле, в три утра сели на почтовых лошадей и были здесь между одиннадцатью и двенадцатью. Я немедля посадил их в карету и отвез в Сомерсет-Хаус-Стерз, запасся там водой (по дороге все провожали нас глазами, сообразив, что мои спутники — моряки, и на всех лицах запечатлелся вопрос: есть ли новости?), привез их в Приви-Стерз, оставил у мистера

Ковентри (самого его дома не было), сам же отправился в парк к государю сообщить, что в пять утра герцог Албемарл был жив и что принц Руперт двинулся ему на подмогу и присоединился к его флоту около 7 утра. Государь, очень обрадовавшись такому известию, взял меня за руку и заговорил со мной об этом, — я же постарался дать ему самый подробный отчет, какой только мог, после чего он попросил привести к нему двух спасшихся моряков и с этими словами вошел в дом, а я поехал за моряками и доставил их в приемную, где они поведали государю, как обстояло дело.

Сражение

В пятницу мы обнаружили голландский флот стоящим на якоре между Дюнкерком и Остенде и заставили его сняться с места — у них было около 90 кораблей, у нас меньше 60. Мы дали им бой и обратили в бегство, куда им на помощь не пришло еще 16 кораблей, и бой завязался вновь. Сражение продолжалось до ночи и, возобновившись наутро, часов в пять, длилось до семи вечера, и вчера утром началось опять и продолжалось до четырех часов — они гнались за нами большую часть субботы и весь вчерашний день, мы же постыдно бежали. Сам герцог и двое матросов сели в шлюпку, и тут вдали показался флот принца, ввиду чего Де Ройтер созвал небольшой совет, на котором решено было разделить их флот на две флотилии — 40 кораблей в одной и 30 в другой (вначале их флот насчитывал 90 кораблей, но за эти дни сократился примерно до 70); большая флотилия должна была преследовать герцога, меньшая — дать бой принцу. Принц, однако, соединился с Албемарлом, и голландцы, вновь объединившись, двинулись в сторону своего берега, мы — за ними. Каков же будет исход сегодняшнего сражения, гул которого до нас доносится, мы покамест не знаем. Герцог вынужден был, потеряв паруса и оснастку,

встать в пятницу на якорь. Из известных людей ранен лишь сэр У. Кларк, который потерял ногу, однако держался молодцом. Получил легкое ранение в бедро и герцог.

Король достал из кармана монет двадцать золотом и вручил их Дэниэлю — ему самому и его спутнику. И с этим ушел, весьма довольный отчетом о сражении и об успехе (прибытии принца), коим оно завершилось, хотя герцог, похоже, вновь отступает. Король распорядился, чтобы о мистере Дэниэле и его спутнике позаботились, и мы расстались.

1 июля 1666 года

Несколько раз в Тауэр — по делам новобранцев⁴; последний раз — в двенадцать ночи, когда их сажали на корабли. Но, Боже, как же плакали бедные женщины! В жизни не доводилось мне видеть более естественного выражения чувств, чем в эти минуты; некоторые горько оплакивали свою судьбу, подбегая к рекрутам, которых вели на корабли; они искали своих мужей и рыдали вслед каждому отходящему судну, провожая его глазами, покуда он был различим в лунном свете. От их криков у меня разрывалось сердце, тяжело было наблюдать за тем, как трудолюбивых, толковых мужчин отрывают от жен и детей и без всякого предупреждения уводят невесть куда, к тому же, наперекор всем законам, не заплатив. Какова тирания!

4 июля 1666 года

По словам сэра У. Пенна, надлежит, чтобы не проиграть войну, исправить три вещи:

1. Мы должны сражаться в линию, мы же сражаемся беспорядочно, отчего и терпим поражение; тогда как голландцы сражаются иначе, да и мы всякий раз, когда бьем их, — тоже.